

6-е издание

Лев
ПРОЗОРОВ

МЫ
НЕ
РАБЫ,
а ВНУКИ
БОЖЬИ!

Языческая Русь против Крещения

Лев Прозоров

**Мы не «рабы», а внуки божьи!
Языческая Русь против Крещения**

«Яуза»

2013

Прозоров Л. Р.

Мы не «рабы», а внуки божьи! Языческая Русь против Крещения /
Л. Р. Прозоров — «Яуза», 2013

«Мы не «рабы», а внуки божьи!» – отвечали наши языческие предки тем, кто пришел насаждать христианство «огнем и мечом». Вопреки церковным мифам, крещение Русской Земли не было ни добровольным, ни бескровным. Подлинная, глубинная, народная Русь не отреклась от родных богов, не предала веру предков ради чужой религии. Карателям пришлось выжигать языческие корни не одну сотню лет – последние русские язычники с оружием в руках поднялись против штыков крестителей уже в «галантном» XVIII веке! И еще вопрос, кто победил в этой тысячелетней войне – ведь чтобы стать на Русской Земле своим, христианству пришлось радикально измениться, ОБРУСЕТЬ, принять многие народные поверья и обычаи, известные еще с языческих времен. Читайте самую спорную и «нецензурную» книгу ведущего историка Языческой Руси – запретную правду о беспощадной войне крестителей против собственного народа и о героическом сопротивлении наших пращуров, которые отказывались стать «рабами» нового бога, предпочитая умереть стоя, с оружием в руках, чем жить на коленях!

© Прозоров Л. Р., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Авторское предуведомление	5
Вместо предисловия	7
Глава I Накануне (V–X вв.)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лев Рудольфович Прозоров

Мы не «рабы», а внуки божьи!

Языческая Русь против Крещения

Авторское предуведомление

*«Лучше нам помереть, чем отдать Богов наших на поругание!»
Угоняй, тысяцкий Новгородский, 989 г.*

*«Тьма, пришедшая со стороны Средиземного моря...»
М.Л. Булгаков*

Данная книга не является попыткой полемики с христианством.

Написанная убеждённым язычником, она, однако, и не является попыткой проповеди (явления, язычеству совершенно чуждого) или доказательства правоты Русской Веры – такие вещи на словах не доказываются.

Автор отлично понимает, что сам факт перенесённых гонений не может доказать ничью правоту.

Те же христиане подвергались в различное время гонениям – от римских язычников, от мусульман, от коммунистов и нацистов, наконец – пожалуй, самым тяжёлым и страшным – друг от друга, точнее, от христиан же других церквей и направлений.

Предлагаемый вашему, читатель, вниманию труд не религиозный, а **исторический**. Его цель – дать взгляд глазами язычника на восемь веков существования приверженцев исконной веры славян в крещёной стране, на историю Руси этого времени.

Если автор опровергает какие-то сведения христианских источников – он делает это не только как язычник, но и как историк.

Если кому-то написанное здесь покажется оскорблением его религиозных чувств – что ж делать, значит, чувства, которые он считал религиозными, связаны с ложью – с возвеличиванием недостойных, с клеветой на невинных.

За это автор не несёт и не может нести никакой ответственности.

Цель автора и как историка, и как язычника – восстановить, в меру данных ему Богами сил, **правду** о Предках.

Вам – погибшим геройски за Веру Отцов,

Вам – хранившим преданья седой старины, Смертным – видевшим гибель бессмертных Богов, Тем, что в Сваргу Златую за ними ушли, —

Вовек Слава!

Вам – воителям ярым минувших времён,

Вам – рахманов-волхвов синеглазым сынам,

Вам – носителям древних священных имён,

Ненавистных дорвавшимся к власти рабам, —
Вовек Слава!
Вам – позора не снёшим родимой земли,
Когда глупое стадо погнало к реке,
Вам – бесстрашно пошедшим на смерть, на мечи,
Чужебские кровью смывая своей, —
Вовек Слава!
Вовек Слава!
Вовек Слава!

Велеслав

Вместо предисловия

Русские в такой степени сблизили своё христианство с язычеством, что трудно было бы сказать, что преобладало в образовавшейся смеси – христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение.

Кардинал д'Эли, XV век

Кто поставит крест на могилы нам? Инок да шаман...
Всевед «Родная»

Написано немало книг о том, как много языческого осталось в так называемом «русском православии».

Эта книга не про такие явления, не про языческие по сути обряды, совершавшиеся людьми, искренне полагавшими себя христианами, не про то, как крещёные русичи, включая «попов и книжников», резали петухов Перуну и Хорсу и с лёгким сердцем величали православных мучеников Флора и Лавра «лошадиными Богами».

Эта книга про тех, кто сознательно оставался верным Вере Предков в крещёной уже Руси. Тех, кто не испугался грозного предупреждения Владимира Отступника: «А кто не придёт [креститься], будь богат, или нищ, или раб – будет мне враг». Тех, кто до последнего отказывался принять чужеземного бога.

Иначе говоря, не про двоеверцев, а про язычников.

Поэтому необходимо будет хорошо разобраться в крайне непростом вопросе: что такое язычество, что – двоеверие, а что – христианство. Как видим, это даже не один вопрос, а связка вопросов, более чем непростых. Но без ответа на них мы попросту запутаемся в теме.

Строго говоря, вряд ли были на Руси люди, называвшие себя язычниками – по крайней мере до конца XX века, когда, будто опять после слепого дождя, рассыпались по Русской земле общины людей, возрождающих Родную Веру.

Сами предки не чувствовали необходимости как-то по-особенному себя называть. Человек русского рода – и вера у него русская, какая ещё?

В договоре Олега Вещего с Византией, что помещен в «Повести временных лет» под 912 годом, так и сказано – «русин или христианин». То есть одно из двух.

Впоследствии, во времена, про которые в основном пойдёт речь в этой книге, появилась необходимость как-то определять себя, отделять от крещёных соотечественников. Наверно, появилось и самоназвание, только какое – нам уже не узнать.

Точно можно сказать, что христианское «поганные» почитатели русских Богов к себе не прилагали. «Погаными» они стали называть иноплеменников.

Возможно, хотя и маловероятно, что позднее, уже в московские времена, появившееся слово «язычники» как раз и было этим самоназванием, но доказательств этому нет.

Что же такое язычество?

Уверен, что большинство читателей ответят на этот вопрос так: язычество – это поклонение множеству Богов вместо одного, единого.

Но, во-первых, кто объяснит мне, чем город Ижевск, в котором из трёх больших церквей одна посвящена Богородице, другая – святому Александру Невскому и лишь одна – Троице, триединному богу христиан (тоже само по себе неплохо – не то он единый, не то трое их), так уж отличается от какого-нибудь античного захолустья с храмами, соответственно, Девы Афины, Геркулеса и Зевса Олимпийского?

А во-вторых, есть достаточно свидетельств, что о едином Божестве язычники имели ясное представление ещё в те времена, когда Авраама, не говоря уже про Христа и Мухаммеда, не было даже в проекте.

Например, в одном из гимнов Вед сказано – «есть лишь Оди́н, которого мудрые называют Индрой, Агни и многими другими именами».

Между прочим, в комментарии к Ведам упоминается расположение созвездий, относимое точной наукой астрономией ко временам за десять тысяч лет до Рождества Христова. Излишне, наверно, напоминать, что в эти годы, по библейской хронологии, не был создан даже Адам!

Другие читатели, а возможно – и те же самые, могут заметить, что отличительным признаком язычества является поклонение идолам.

Тут тоже всё непросто, при желании можно списать на идолопоклонство (и списывали ведь!) и Чёрный камень Каабы, святыню ислама, и уж тем более бесчисленные кресты, иконы и мощи христианства.

И не надо говорить, что язычники не делали разницы между изображением и предметом поклонения. Прекрасно они осознавали эту разницу, иначе каждый идол имел бы только своё имя и только свой круг поклонников.

В то время как те же греки отлично понимали, что статуя Афины в афинском Акрополе и, скажем, в Спарте изображает одно и то же Божество и вознесённые к ним молитвы дойдут по одному «адресу».

Более того, греки уверенно писали, что египтяне поклоняются Аресу в виде сокола, а скифы – в образе меча, то есть даже в иноплеменных кумирах опознавали своих Олимпийцев, полагая, что по небу границы не проходят.

То же было и у скандинавов, видевших в финской стране Биармии «капища Тора». И у римлянина Цезаря, писавшего, что галлы поклоняются Юпитеру, Аполлону, Марсу, Меркурию и Венере, и римлянина Тацита, сообщающего, что германцы поклоняются Сатурну, Марсу и Геркулесу.

Основное качество язычников, отличающее их от тех, кто, собственно, и создал это определение, в том, что они почитают Природу, мир, не в корне отличной от «Творца» тварью, а Божьим проявлением, если можно так выразиться, телом Божьим.

В науке это воззрение называется «манифестационизм», от латинского «манифестаций» – проявлять, показывать.

Собственно, это мнение большинства населения земного шара, за исключением последователей трёх вер, гордо отгородивших от себя остальное человечество презрительным словом «язычники».

Эти религии – иудаизм, христианство, ислам – называют иногда авраамическими. Ибо все их последователи верят, что некогда единый бог, творец вселенной, поведал их (именно их) веру праотцу евреев и арабов Аврахаму – или, соответственно, Аврааму, Ибрагиму.

Любопытно, кстати, что на санскрите, языке Вед, Аврахам означает безбожник, нечестивец.

Эти религии утверждают, что Бог отделён от мира, что мир есть его, совершенно отличная и отдельная от него, «тварь», творение.

Это представление называется «креационизмом», от латинского же «креацио» – творить.

Понятно, отдельный от мира бог имеет полное право выделить в сотворённом мире своих любимчиков, как автор – любимого героя, и усиленно «помогать» им. Отсюда – тема избранного народа.

А единственная, в принципе внеположная «тварному» миру истина требует строгой фиксации в «Священных Писаниях».

Отсюда же, от отрицания языческого единства Бога и мира, отрицательное отношение к изображению Божества, «идолам», и отрицание более частных проявлений, «детей» и «внуков» Единого, младших Богов, то есть «многобожия».

Христианство стоит здесь несколько наособицу, позволяя своим недоброжелательным «родственникам», в особенности из числа иудеев, обвинять христиан в «язычестве».

Христиане верят, что Бог воплощался и этим чудесным фактом освящена плоть, освящён тварный мир. Именно поэтому среди языческих народов христианство прижилось больше, чем ислам и тем более иудаизм.

Но при всём том христианство есть авраамическая религия со всеми типичными её признаками.

Не зря Христос говорил об учении своих иудейских предшественников (и предков в своей земной, человеческой составляющей): «не нарушить пришёл я, но исполнить, ибо истинно говорю вам, доколе не прейдёт земля и небо, ни одна йота или ни одна черта не прейдёт из закона» (Мф. 5:17–18).

Мир так и остаётся «тварью», Бог – «Творцом», многобожие и идолопоклонство – грехом.

А вот определение того, что есть двоеверие, – дело гораздо более сложное, и не зря в последнее время многие исследователи пытаются отменить этот термин, подменить его каким-то «народным христианством», «народным православием».

Честно говоря, пишущий эти строки совершенно не понимает, что такое «народное христианство».

Язычники, как уже было сказано, чтят языческих Богов и творят Их волю, христиане живут или пытаются жить по заветам Христа (и у тех, и у других это не всегда получается, но тут уж другой разговор).

Но вот о боге по имени «Народный Христос» автору ничего не известно.

Очевидно, говорящие о «народном христианстве» воспринимают любую религию как чисто «культурное явление», человеческую выдумку.

Христианство для них – некая собственность исповедующих его людей, дополнять и изменять его на свой вкус – их полное право. Я, мол, христианин, мне и решать – что христианство, а что нет.

«Крестьяне были христианами, а не двоеверцами, – их сословное самоназвание... говорит само за себя», – каламбурит В.Я. Петрухин. Вот именно, «само за себя» и ни за что более.

Тушинский вор говорил «сам за себя», что является царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Такое у него было «самоназвание» или, как сейчас модно говорить, самоопределение.

Если отнестись к христианству, к религии вообще, чуть посерьёзнее, то согласиться с такими доводами никак невозможно. Религия, *religio* – означает «связь». На одном конце «связи», понятно, человек, но вот важнейший вопрос – Кто на другом?

И если религиозные правила, обряды, заповеди не «выдумка тунеядцев-попов», а воля именно Того (или Тех), Кто «на том конце» связи-религии, то принадлежность к язычеству или христианству дело не субъективное, а объективное.

По Чьей воле, по Чьим заветам ты живёшь? Соответствуешь ли, имеешь ли право претендовать на имя представителя той или иной религии?

Поэтому термин «двоеверие», введённый сердитыми монахами русского Средневековья для своих современников, нечем заменить.

Потому что если верования и обычаи русской деревни до начала XX века включительно – христианство, значит, надо придумать какое-то другое название для того, чему учили и учат церковь, Библия и Христос.

Христианство говорит: «Бог – один». Об этом твердят многочисленные пророки, первая заповедь Моисея («не убий», кстати, шестая), первая строка символа веры православных – молитвы «Верую».

Русский мужик простодушно называл Богами множество православных-святых: «Егорий – скотий Бог, Власий – коровий Бог, Василий Кесарийский – свиной Бог, Мамант – овечий Бог, Козьма да Демьян – куриные Боги, Зосима и Савватий – пчелиные Боги» (про «конских Богов» Флора и Лавра мы уже говорили), самым же чтимым из этих «Богов» был «мужицкий Бог, русский Бог» – святой Никола.

Доходило до очень устойчивого и распространённого мнения, что «когда Бог умрёт (!!!), Никола Богом будет», до священников, не имевших понятия об Иисусе и полагавших, что Бога зовут Николой.

Англичанин Дженкинсон писал в середине XVI века про русских людей: «Многие, большая часть бедняков, на вопрос «сколько Богов?» – ответила бы «очень много», так как они считают всякий имеющийся у них образ за Бога».

Так и было, ибо в нарушение строжайших библейских запретов («Не сотвори себе кумира!») и церковных поучений русские крестьяне не относились к своим образам, как к «книге для неграмотных» (Иоанн Дамаскин), а видели в них волшебных живых существ, которых зачастую и впрямь называли Богами.

Образа «кормили», им делали подарки, для них – а то и для стоявших на перепутье крестов – шили особую одежду в подарок, а при упорном неисполнении молитв могли и, наоборот, наказать кнутом.

Наряду с этим продолжали чтить и настоящих идолов. В XVIII веке под Архангельском в лесу стоял почитавшийся крестьянами идол лешего, в 1920-е годы в курятнике одного из подмосковных (!) сёл этнографы нашли идол куриного Бога Боглаза, в северных деревнях на посиделках молились то глиняной «Масленице», то деревянной «тёте Ане», которой кланялись с приговором, целовали в губы и наряжали.

Есть ещё один пример, самый, пожалуй, занимательный, но его я оставлю для послесловия.

Вопреки христианскому учению, строжайшим образом разграничивающему «Творца» и «тварь», русские крестьяне никак не воспринимали учение о сотворении мира.

Популярнейший духовный стих «Голубиная книга», бывший для «большинства бедняков» – и не только их – основным источником сведений о мироустройстве, не знает слов «создан, сотворён».

Все явления мира и общества «взялись», «стали», «пошли», наконец, «зачались» от лица, груди, очей, дыхания и проч. Бога. Мир, Природа не «тварь Божья», но Его тело.

Точно так же в записанном Глебом Успенским «Верую» в исполнении русского мужика бесследно выпадает всякий намёк на Сотворение: «Верую во Единого Бога Отца (...) и в небо и в землю. Видимо-невидимо, слышимо-неслышимо...» вместо «сотворившего небо и землю, видимым же всем творец и невидимым».

У Достоевского монашенка – личность, отрёкшаяся от мира для Христа, «живой мертвец»! – заявляет, что Богородица – это земля, а в этнографических материалах есть суровый запрет на битьё земли палками: «Бьют саму Мать Пресвятую Богородицу!» – так что Фёдор Михайлович, очевидно, ничего не выдумывал.

В заговорах древнее именование Земли сливается с новой святыней в неразличимое единство: «Мать Сырая Богородица».

Итак, Земля не мёртвая, бездушная «тварь» – но Тело Божества.

Что было христианского в почитании крестьянами пророка Ильи или великомученицы Параскевы?

Кого из их деревенских почитателей волновали земные дела древнееврейского фанатика единобожия и римской первохристианки, их служение «Богу Авраама, Исаака и Иакова»? Да никого.

Иной мужичок из какого-нибудь Ильинского прихода ещё и обиделся бы смертно, скажи ему кто, что Илья-пророк был иудеем.

Здесь и сейчас нёсся в огненной колеснице по небесам некто по имени Илья, гоня туда или сюда грозовые тучи, посылая дождь на поля, поражая громовыми стрелами нечисть или неправедных, а то и просто непочтительных к нему людей, и чтили его не за давние заслуги перед «богом Израиля», а за дождь, за защиту от тёмной силы – здесь и сейчас!

Здесь и сейчас некто по имени Параскева пряла людские судьбы, отверзала источники, наказывала нерадивых хозяек, помогала при родах, следила за почитанием её дня – пятницы.

Илью чтили забитым на Ильин день, в складчину откормленным бычком и буйной пляской – «попляшу святому Илье!».

Параскеве ставили деревянные изваяния на распутьях, у колодцев и родников, жертвовали клочки пряжи, волосы, полотенца. И место этих святых в жизни русской деревни, и их почитание не были христианскими. Христианскими были только их имена.

Но почитали и других – «Богу молись, а чёрта не гневи!». Я уже писал об идоле лешего. В XV веке лесного хозяина звали «лесным Богом», в XIX – возносили ему молитвы – именно молитвы, которые сами так и называли, отличая от заговоров!

Молились и овиннику. Почитали по-язычески, жертвами (водяному – топили коня, или улей, или чёрного петуха, или конский череп; лешему – оставляли в лесу коня или хотя бы масляный блин или яйцо; домовому – оставляли в подпечке плюшку с молоком, иногда обметали углы смоченным в петушиной крови веником и ставили горшочек каши на его «именины»; банному – душили и зарывали под порог бани чёрную курицу¹).

Но как святых чтили нехристианскими обрядами, так и на явно нехристианских существ распространяли обряды христианские.

Домовой и леший охотно принимали освящённые в церкви пасхальные яйца, домовые на Пасху выходили христосоваться – картина, по чести сказать, поражающая воображение.

Так и видишь, как навстречу возвращающимся с пасхальной заутрени по хрустящему снежку хозяевам вылезает из-за клетки в синих вешних сумерках нечто мохнатенькое и радостно объявляет: «Христос воскрес!»

И более того, существовал особый обряд христосования с одним из самых склочных, взбалмошных и опасных обитателей мужицкого подворья – овинником. Священник с образами подходил к овину и провозглашал: «Христос воскрес!»

В это время владелец овина, лёжа в вывернутом мехом наружу тулупе в яме под овином, где разводили огонь для сушки снопов и которая, как подпечье в избе, считалась вотчиной Хозяина, отвечал: «Воистину воскрес!»

После чего полагал себя на весь год застрахованным от проказливых, а подчас и просто жестоких выходов овиного духа.

---

¹ На фоне всего этого презабавно смотрятся иные нынешние «неоязычники», блажащие при входе в дом или баню: «Слава домовому!», «Слава баннику!» Ребята, вы бы хоть поинтересовались, что Им самим от вас надо – ваши вопли или чего посушественней. Соловья-то баснями не кормят.

Белорусы вообще выходили на Пасху к ближайшему бурелому и сообщали «благую весть» о Воскресении Христа Хозяевам полей, лесов, домов и вод, «с хозяйшккой, зь дзетками!» (о реакции Хозяев на это известие история... точнее, этнография умалчивает).

Водяной оборудовал себе логово по возможности в том омуте, над которым возвышалась церковь святого Ильи. Да что там омуты – в церкви, на колокольне, обитало загадочное и небезопасное существо «колокольный ман» (он же «колокольный мертвец»)!

Вообще русские крещёные люди всю тысячу лет не очень верили в способность церковных, христианских обрядов и символов защищать от «нечисти».

Первые примеры такого подхода подаёт не какой-то полуграмотный мужик, а «святой преподобный» Нестор-летописец. Он пишет, как очевидец, что некий праведный монах видел, как по церкви Печерской обители во время службы гулял бес «в одежде ляха» и отвлекал монахов от богослужения.

Только вдумайтесь – освящённая земля, монастырь, церковь, служба, кадится ладан, кругом иконы, кресты, непрерывно возглашается «имя Божие», присутствуют несколько святых – и посреди всего этого преспокойно гуляет и делает своё чёрное дело нечистый!

И в той же летописи, несколькими строками ниже: бесы ночью рыскали по Полоцку, истребляя всех, кто осмеливался выйти из дома. Те же полочане, что не покинули домов, уцелели.

То есть церковь – не защита от бесов, а дом полочанина, подданного князя-оборотня Всеслава с его языческими оберегами и «гарнизон» домашних божков – защита!

Так же было и впоследствии – у Гоголя («Вий») нечистая сила беснуется в церкви, не обращая внимания на кресты и иконы, и Хома Брут спасается от неё не столько молитвой и крестом, сколько языческим обережным кругом.

Такой несклонный к язычеству человек, как диакон Кураев, свидетельствует: «выбирая между магией и церковью, герои русских сказок предпочитают обращаться именно к магии. Молитва... считается недостаточной защитой. Например, в храмах (?! —Л.П) от восставших покойников-колдунов защищаются начертанием круга, гвоздями и молотком, сковородкой, а не просто (?! – Л.П) мольбой к Господу».

В русских былинах Василий Буслаев безнаказанно кощунствует над христианскими святынями Новгорода, расправляется под глумливое «вот тебе яичко – Христос воскрес!» с крестным отцом, монахом, разбивает колокол собора Святой Софии, голым купается в Иордан-реке, но гибнет, посягнув на святыни языческие – «бел-горюч камень» и мёртвую голову.

Русские мужики верили, что от досаждающей или угрожающей нечисти, если крестное знамение и молитва не помогают (!!!), надо избавляться... матерной бранью (происходящей от языческих заклятий²).

То есть через тысячу лет проходит вера крещёных, искренне полагающих себя христианами русских людей в то, что языческие святыни, символы, обряды – сильнее!

О языческом происхождении всех этих оберегов они, конечно, не задумывались, а зачистую и просто не знали, но явно предпочитали их кресту и молитве.

И это ещё не всё – но и этого достаточно. Неужели всё это – христианство?

Повторюсь – чтобы согласиться с этим, нужно утратить всякое уважение к учению Христа и церкви или выдумать для него какое-то другое название.

Но при том назвать все это язычеством тоже трудно. При всей языческой сущности исповедуемых русским крестьянином – и не только крестьянином – воззрений и совершаемых им обрядов он-то искренне считал себя православным христианином.

---

² Тема весьма объёмная, любопытствующего читателя отошлю к работам Б.А. Успенского, а здесь отмечу, что после находки в Новгороде двух берестяных грамот, содержащих, по крайности, единственный матерный глагол да обозначение женского естества, говорить о «татарском» происхождении мата всерьёз не приходится.

Именно эти люди, чтившие домовых пасхальными яичками, а святых – плясками и жертвенными быками, случалось, умирали за свою веру, которую, повторяю, искренне считали христианской.

Так было с одним солдатом, во время покорения Хивинского ханства попавшим в плен и отказавшимся спасти себе жизнь ценой принятия ислама³. История эта описана в «Дневниках» Достоевского.

Двоюродная бабушка автора этих строк, помнящая и свято блюдущая десятки не имеющих отношения к христианству примет (деньги при купле-продаже из рук в руки не давать и не брать, ничего не давать и не брать через порог, продавая сыпучую снедь – крупу, муку – разбросать по пригоршне по углам – «чтоб в доме не переводилась», и так далее), молилась по бумажке.

При этом читала написанное не то второпях, не то не очень трезвым «батюшкой», совершенно не вдумываясь, озвучивая иной раз воистину жуткие словосочетания – «благословен будь плод червя твоего». Но при этом именно себя, а не, скажем, евангелистов из «Дела веры», считала верующей христианкой.

«А у них и веры никакой нет, – разочарованно рассказывала она по возвращении с молитвенного собрания, куда её заманила родственница, – сидят в доме и поют». Вера без церкви-храма, без образов, без не очень понятного ритуала за веру не считается! А ведь это был конец XX века...

Итак, назвать этих людей христианами – оказать неуважение христианству, язычниками – неуважение им.

Иного определения, показывающего двойственную, двойную природу религии, которую исповедовала Русь несколько последних столетий, не подберешь – двоеверие!

И современные радетели церковного, казённого православия совершенно напрасно тщатся записать себе «в актив» труды и подвиги русских «православных» двоеверцев – солдат, крестьян, зодчих, монахов, правителей, полководцев.

Впоследствии мы подробно рассмотрим, что стало с православием и с Россией, когда церковь объявила и, на свою голову, выиграла войну «пережиткам язычества» в душе и жизни русского народа.

Сейчас хочется поговорить о другом. Многие авторы – особенно из числа публицистов – видят в русском двоеверии нечто неповторимое, единственное в своём роде. «Неязычники» похваляются – вот какое живучее наше, русское язычество, не чета иным-прочим.

Православные – и в особенности православствующие – видят в этом повод ещё раз похвалить русскую церковь: вот, мол, какая она добрая, терпимая, внимательная к национальным традициям и истокам, не то что злые-плохие католики.

Наконец, западники-либералы нашли в этом очередной недостаток «отсталой» России, в который её можно в очередной раз, компенсируя собственную неполноценность, сладострастно ткнуть носом: «Какие дураки эти глуповские мужики!»

Особенно отличился этим некий Андрей Буровский в своей в рекламном «соавторстве» с «королём русского боевика» А. Бушковым⁴ книжке «Россия, которой не было – 2. Русская Атлантида».

Целая глава в этой книге называется «Московское православие» и живописует все «ужасы» погрязшего в двоеверии русского народа, противопоставляя его христианнейшим европейцам и, в частности, жителям Западной Руси.

---

³ В наши дни она повторилась с русским солдатом Евгением Родионовым, погибшим в Чечне. К слову, по воспоминаниям близких, при жизни Женя вовсе не показывал себя каким-то «упёртым» христианином в кураевском духе.

⁴ Коего сам в этой же книге и пинает. Впрочем, во-первых, это их личные дела, да и Бушков, во-вторых, в долгу не остался. А всё-таки клеить на обложку рекламы ради чужую фамилию и в той же книге пинать её обладателя – это, надо сказать, нечто.

По чести сказать, по прочтении опуса Буровского мне стало – непривычное чувство! – обидно за русское православие. Придётся выступить в новом для себя качестве его защитника и расставить всё по своим местам. И не для того, чтобы спорить с Буровским. С Буровским спорить очень трудно.

Трудно спорить с человеком, гордо подписывающимся «кандидат исторических наук» и заявляющим, что князья-мученики Борис Ростовский и Глеб Муромский «жили в Галиче» (с. 17), «задвигающим» Святослава Храброго из X века в IX, делая его современником Кирилла и Мефодия, да ещё и приписывая ему желание перенести столицу в сожжённый ещё его матерью Ольгой Искоростень, который к тому же отчего-то расположен не на своём законном месте – на впадающей к западу от Киева в Припять речке Уж, а «на Дунае» (с. 87).

Трудно спорить с человеком, подписывающимся «доктор философских наук» и приписывающим христианам какую-то жуткую ересь в стиле «нюу эйдж» о благодати, которая-де создавалась (!!!) «святыми людьми за тысячелетия и века» (с. 307).

А я-то, нехристь, в простоте своей полагал, что благодать от Бога исходит...

Или вот ещё удивительное открытие из религиозной области: «бесов видят как раз люди, упавшие ниже обычного человека; те, кто становится достоин лицеизреть как раз тех, кого мы обычно не замечаем» (с. 295).

Значит, многочисленные рассказы о явлениях нечисти святым – свидетельство того, что святые «ниже обычного человека»? Я уж не напоминаю такому, прости господи, христианину, Кому являлся сатана в Новом Завете.

С человеком, именующим себя «безнадёжным клерикалом» (с. 385), то есть сторонником церкви и духовенства, и буквально в той же фразе утверждающим, что бог (!) помог мастеру Людогощинского креста обойти церковный запрет и сделать «надпись на кресте, хулящую официальную церковь» (никакой хулы на церковь на Людогощинском кресте нет, ну да оставим это на совести Буровского – вдруг она у него всё же есть!).

Утверждающим, что Новгород – опровержение мысли, «что православие не может освящать демократию, противоречит ей» (с. 384), и через страницу простодушно радующимся, что «Новгород был рассадником ересей для всей Руси» (с. 386).

Да уж, как «клерикал» Буровский и впрямь безнадёжен!

Доктор философских наук мало что не видит прекрасно известную полуграмотным крестьянам позапрошлого века разницу между юродивым и бесноватой кликушей (с. 299–300); он ещё и утверждает, что юродивый – это-де строго «московитское явление, лишь позже распространившееся на всю многострадальную Россию».

Словно в знаменитой книге Костомарова о «севернорусских народоправствах» не посвящена целая глава новгородским и псковским юродивым; словно не выходила в 1994 году в Москве замечательная книга С.А. Иванова «Византийское юродство»; словно Михаил Афанасьевич Булгаков, которого Буровский постоянно цитирует в эпиграфах, из пальца высосал в «Кабале святош» католического юродивого времён «короля-солнца», «полоумного во Христе» Варфоломея.

Не знаешь, что это – фундаментальное невежество или столь же потрясающее лицемерие; в книге Буровского хватает и того, и другого.

Ну чего, например, стоит выдать такой пассаж: «довольно-таки опасно самим решать, какой способ исповедания христианства правильный, а какой – нет» (с. 156), а потом, на протяжении многих страниц этим и заниматься, попрекая «московитов» неправильностью их христианства.

Более же всего невозможно спорить с Буровским из-за откровенной раздвоенности его стандартов.

Когда «московиты» считают европейские страны «нечистыми» (с. 316–321) – это признак дикости и отсталости Московии, а когда европейцы называют Московию Тартарией, «Тартаром, страной чертей» (с. 121), – это признак дикости и отсталости... Московии.

И мне, признаюсь, читатель, решительно не понять, почему нужно скорбно драматизировать судьбу прячущихся в леса от закованных в железо «крестителей» эстонских и латышских язычников (с. 156) и презрительно посмеиваться (с. 292) над язычниками русскими, загнанными в чашобы ровно теми же самыми обстоятельствами?

Не для спора с Буровским и не ради в общем-то безразличного пишущему эти строки престижа православной церкви, но просто ради истины обязан возразить.

И основанием для возражения являются книги в основном западных авторов – «История языческой Европы» Н. Пеннинка и П. Джонс, «Феномен ужаса в западной культуре» Жака Делюмо, изданный у нас под бульварным заголовком «Ужасы на Западе», знаменитая «Золотая ветвь» Джеймса Фрезера.

Одним из признаков тотальной отсталости московской церкви Буровский отчего-то считает то, что «католический мир пережил ожидание конца света в 1000 году... Православные на Руси ожидали конца света в 1492 году – в 7000 году от сотворения мира...

Вот вам пример, когда на Руси в 1492 году происходило то же самое, что в Европе в 1000-м. А ведь 1492 год – это время открытия Америки (это-то тут при чём? Ну никак либералу не прожить без своей любимой страны. – Л.П.). Время, предшествующее Реформации» (с. 300–301).

Уж и не понять, отчего ожидание конца света есть признак Средневековья и дикости? Может, тогда к таковым следует отнести веру в сам конец света? В Страшный суд? В бога, наконец?

Но ведь Буровский, кажется, хочет казаться христианином и даже искренне считает себя таковым (ещё один случай «самоопределения»).

Дело, однако же, в фактической стороне вопроса. Умберто Эко, историк средневековой литературы, в своём знаменитом романе «Имя розы» щедро рассыпает по страницам приметы ежедневного ожидания конца света: «И вот наконец подходят антихристовы сроки... Какого зверя? А, Антихриста... Он скоро явится. Тысячелетие исполнилось, и мы ждём зверя».

Действие романа происходит в богатом альпийском монастыре XIV века. Роман, пусть и написанный учёным-медиевистом (то есть знатоком Средневековья), остаётся романом.

Обратимся к научным данным. Вот что пишет Ж. Делюмо:

«Исторические исследования опровергают легенду об ужасах однотысячного года, которая была основана на немногочисленных текстах, причём составленных позже... Те страхи, которые испытывали европейцы в XIV–XVI веках, приписывались современникам Оттона II.

Историки единомысленны в том, что в Европе, начиная с XIV века, нарастает и распространяется страх конца света. В обстановке общего пессимизма, как физического, так и морального, в 1508 году в Страсбургском соборе проповедник Гейл ер обратился к народу с призывом «спасайся, кто может»... никогда ещё не было так много верящих, что трубы Судного дня уже протрубили, как в период 1430–1530 годов.

Некоторые представители духовенства дошли до того, что организовывали публичные дискуссии на тему Страшного суда и о признаках его приближения, например, в Кёльне в 1479 году».

Точно также несостоятельны любые другие обвинения «безнадёжных клерикалов» московской церкви в «отсталости».

Нас здесь более всего занимает то, что Буровский связывает с ужасной терпимостью к языческой «бесовщине». Он хочет, нестати приплетая к делу «сугубо московитский» культ юродивых, убедить читателя, что «московиты» жили по принципу «была бы сила, а наше дело поклоняться» (с. 300).

Но приверженцы такого взгляда обнаруживаются как раз в Европе! Делюмо пишет:

«В 1566 г. одна добропорядочная женщина поставила одну свечу святому Михаилу за его благодеяния, а другую дьяволу, чтобы он не причинял зло. В 1575 году один прихожанин из Оденбаха (в протестантской Германии), собрав отменный урожай, заявил, что это дело рук дьявола.

(Сильно подозреваю, что немец не стал после этого выкидывать посланный лукавым урожаем в выгребную яму! – Л.П.)

В следующем веке грозный учёный П. де Ноблец обнаружил в Бретани культ пожертвований Лукавому... Дьявол располагался в одном ряду с божествами и его можно было умиловать и сделать добрым. Ему делали подношения, а затем искупали содеянный грех в церкви.

И в наши дни так ещё поступают горняки из Потози – они совершают культовый обряд Люциферу, подземному божеству, но периодически приносят покаяние в виде пышного крестного хода в честь Богородицы».

При всех гримасах и странностях отечественного двоеверия до культа Люцифера, кажется, никто в «Московии» не додумался.

Наряду с культом доброго дьявола на Западе существовал и культ... «злых святых».

«Превосходным доказательством веры в злое могущество святых служит фонтан в Берри, посвящённый недоброму святому, которому поклоняются и у которого просят смерти для своего врага, любовного соперника или родственника с наследством...

Начиная с XVI века в процессах над ведьмами, проповедях, катехизисах настойчиво подчёркивается различие между Богом и Сатаной, святыми и демонами, с тем чтобы укоренить его в менталитете сельских жителей» (Ж. Делюмо).

То есть до того в сознании «сельских жителей» – абсолютного большинства населения средневековой Европы! – такого различия не было!

Такое «христианство» кажется, по меньшей мере, не менее странным, чем вышеописанное «христианство» русской деревни.

Буровский, возможно, прав, говоря, что «даже на церковную атрибутику в русском православии переносятся представления язычников» (с. 296).

Мы уже говорили о «странностях» в почитании икон и придорожных крестов на Руси. Но в том-то и дело, что ничего исключительно «московитского» в этом нет.

Фаминцын указывает, что чехи-католики в XIX веке рубили у церквей головы петухам в честь святого Вита и сбрасывали с церковной колокольни козла (то есть несчастную скотину перед этим заволакивали в церковь!) в честь святого Якова.

Здесь хотя бы идёт речь о жертве христианскому святому, пусть и по языческому обряду. Но вот Пеннинк и Джонс пишут о Британии:

«В 1589 году Джон Анстерс сообщает, что на церковном дворе в Клиноге, Ллейн, Уэльс, приносят в жертву волов – «одну половину Богу, другую – Бейно». Обычай этот умер лишь в XIX веке».

Англичане принудили христианского бога делить жертву с кельтским Бейно – и не где-нибудь, а на церковном дворе! и это при том, что Британия была крещена на полтысячи лет раньше Руси.

Впрочем, британские церкви видали и не такое. Стаббс в 1583 году с негодованием описывал «языческую процессию», танцующую в церкви (!) во время проповеди (!!!).

В аббатстве Бромм, Стаффордшир, поныне хранится атрибут тех плясок – оленьи рога (как не вспомнить Новгород, где ритуальные «Перуновы палицы» хранились... в церкви Бориса и Глеба).

Да что Британия, если в сердце католического мира, в папском государстве, танцы ряженых в честь Вакха отменил, по словам Делюмо, лишь Бенедикт XIV в... 1748 году!!!

По всей Европе христианство столь же причудливо сочеталось с древней верой.

В Скандинавии бил источник «святого Тора», в городах средневековой Германии стояли колонны в честь Юпитера Христа (!), в Греции сельские священники в начале XX века не препятствовали почитанию прихожанами древних статуй, называя их «святой Дамитрой» – в святцах «отчего-то» не обозначенной.

Иной раз и церковь скрепя сердце утверждала своим авторитетом такой «гибрид»: миллионы христиан-католиков молятся древней кельтской Богине Бригитте, «превратившейся» в одноимённую святую.

Знаменитый Ричард Львиное Сердце, ссорясь с саксонскими баронами, бросил им в сердцах: мол, многие из вас не обратились к Христу, а те, что обращены, сделали это недавно и неискренне.

Язычники, чтящие Богиню Диану, существовали в Бельгии до XVII века.

Оставалась языческой Сардиния, ещё в XI веке посылавшая миссионеров на христианский континент и воинские дружины – на исламскую Испанию.

На плане итальянского городка Ассизи, родины знаменитого святого Франциска, составленном в его время, указан как ни в чём не бывало храм Минервы.

На юге Италии ещё в XVII веке крестьяне верили кто в сто, а кто в тысячу Богов.

В XII веке в триста лет как крещёной Болгарии, на горе Афон, в нескольких шагах от знаменитого монастыря, «болгары, именуемые славяне», чтили каменное изваяние своей Богини, а столетие спустя в столице царства, Великом Тырново, их соотечественник нацарапал на стенке глиняной корчаги имя Сварога.

В житиях византийских святых тема диспута с язычниками остаётся актуальной вплоть до VIII века.

Последний оплот античного язычества – город Майна с округой на полуострове Пелопоннес – пал в конце IX века и отнюдь не перед проповедниками Христа, но перед византийской армией.

Так было по всей Европе. Я не собираюсь переписывать здесь конспект трудов Делюмо и Пеннинка с Джонс. Те, кому приведённых сведений недостаточно, благоволят обратиться к их книгам.

Тем более не стоит видеть что-то неповторимо «московитское» в заселённости русской усадьбы всевозможными домовыми, дворовыми, амбарными, обдерихами, кикиморами, шишками и прочими существами того же рода, как то делает Буровский.

«С отношением западного христианина к нечисти очень легко ознакомиться, взяв в руки любую западную «фэнтези»; лучше всего Р. (? – Л.П.) Толкиена или Пола Андерсона. Из этих книг легко выяснить, что чем дальше от жилья людей, тем больше вероятность встретиться с нечистой силой.

Мысль же, что можно лежать в собственной кровати, а под тобой возится один... над тобой, на чердаке, второй... по огороду ступает мягкими лапами третий... такая мысль европейцу непонятна, да, пожалуй, и неприятна» (с. 296).

Об «отношении западного христианина к нечисти», причём не банникам и дворовым, а собственно дьяволу, Люциферу, мы уже говорили.

Что же до попытки Буровского привлечь в качестве свидетельств романы Толкиена – отнюдь не «Р.», а Дж., Джона – и Андерсона, то она самоубийственно неудачна. Поневоле задумаешься – а сам-то Буровский их читал?

Главными героями эпопеи «Властелин колец» Толкиена выступают вообще не люди, а хоббиты.

И вот что об этих существах пишет «сестра по разуму» Буровского, некая Е. Богушева, в своей книге «Чем бы дитя ни тешилось»:

«Герои Толкиена – очередная нелюдь, гномы, хоббиты. Как будто бы гномы – добрые существа. Как будто бы им присуще стремление к добру, как будто бы они могут ненавидеть то, что их породило»⁵.

А вот в какую компанию помещает хоббитов средневековый британский автор Майкл Дэнхем: «боуги (буки, детские пугала. – Л.П.), портуны (амбарные. – Л.П.), гранты (оборотни. – Л.П.), хоббиты, хобгоблины (домовые, просто домовые, вопреки стараниям иных позднейших авторов книг-фэнтези и ролевых игр сделать из них страшных чудищ. – Л.П.)».

Не более удачна попытка опереться на Пола Андерсона. В его романе «Буря в летнюю ночь» в альтернативной Англии рыцарям короля помогают выстоять против козней пуританского диктатора Кромвеля король эльфов Оберон со своей свитой.

В решающем сражении против пуритан на стороне короля, наряду с призрачными монахами из католического аббатства, выступают «духи древних язычников», Дикая Охота кельтского Бога Гвина маб Нуда и выскакивающий из-за печи – в доме! в доме западного христианина! – домовый-гоблин.

Так что ни «двоеверие», ни очаги настоящего язычества, сохранявшиеся веками после крещения (о которых пойдёт речь в этой книге), не являются какой-то исключительно русской диковиной.

Не надо объяснять её какими-то не очень внятными преимуществами русского язычества перед античным или западным.

Не стоит и православной церкви приписывать какую-то особую терпимость к пережиткам язычества, по сравнению с нетерпимым-де католичеством, ни хвалить православие за это не стоит, ни бранить.

Единственно – русское православие было на полтысячи лет моложе франкского или бриттского христианства, да и никогда не имело собственной мощной управленческой и карательной системы, полагаясь на мощь христианского (а иной раз, как мы увидим, и нехристианского) государства.

Не в терпимости тут дело. Это положение прекрасно отображено русским присловьем про бодливую корову...

Итак, во-первых, двоеверие **было**. Во-вторых, всю историю русского христианства, русской церкви крещёные русские люди были скорее двоеверцами.

Ситуацию X–XV, а кое-где и XVI–XVIII веков следует воспринимать не как «христиане против язычников» и уж тем более не как «христиане против двоеверцев», но исключительно как «двоеверцы против язычников», в лучшем для церкви и христианства случае – «христиане во главе двоеверцев против язычников».

Это уже много позже, через полтысячи лет после «крещения Руси» двоеверие, а не откровенное язычество, стало не союзником, а проблемой церкви. Оно обрушилось на него и, к своему несчастью, выиграло.

Но об этом поговорим в послесловии.

Нас сейчас интересует другая схватка – восьмивековая борьба христиан и союзных им двоеверцев против русского язычества, против тех, кто сознательно и последовательно исповедовал веру Пращуров, отказываясь склоняться перед чужеземным богом.

---

⁵ Радетельница православия ненавязчиво впадает в злостную ересь – богомилство. Ибо, по учению православной церкви, дьявол НИЧЕГО не породил и не сотворил, всему и всем творец – только бог.

Глава I Накануне (V–X вв.)

«Русин или христианин...»

Договор Олега Вещего с Византией, 907 г.

«Кто из нас не любит тех времён, когда русские были действительно русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю...»

Н.М. Карамзин. «Наталья, боярская дочь»

*Он вольным был. Клыкастые драккары
Вёл в синь и солнце, стоя у главы.
От Груманта до Кипра и Сахары
Весёлый клич гремел: «На вы! На вы!»
Русь оценил, Царьграда хлебосольство
И златоглавий самоварный вид.
Он усмехался: «Слишком мало солнца?
Так вот вам солнце – на ворота щит!»
Русь не любил молебны и базары,
Теодицей непроходимый лес.
Склоняли выю греки и хазары
Перед мечом с насечкой черт и рез.*

А Широпаев. «Пленник»

*Языческая держава. Несколько слов о русской вере. Христиане некрещёной Руси.
Предавший Родных Богов.*

Дохристианскую Русь – как, впрочем, едва ли не всякое историческое явление – окружает немало мифов. Один из них, самый любимый православствующей нашей публикой, гласит, что никакой Руси, собственно, до крещения и не было.

Недаром, когда в 1988 году доживающий последнее Советский Союз решил отпраздновать тысячелетие крещения, вчерашние глашатаи «научного атеизма» заблажили со всех трибун, экранов, подмостков: «тысячелетие русской культуры», «тысячелетие русского искусства», «тысячелетие русской живописи», «тысячелетие русской архитектуры»...

Последнее особенно умиляет. Язычники, надо полагать, на поле спали, другой накрывались. Благо что никто не додумался возопить про «тысячелетие русского костюма», скажем; хотя, может, и вопили, просто мимо ушей и глаз проскользнуло – тогда было много слоганов в этом духе, ничуть не более осмысленных.

Ещё раз повторяю – речь не о православных, речь о православствующих. Для православного неинтересна роль православия в культуре (скорее – роль культуры в православии), государственности и т. д., и т. п.

Тем паче не волнуют его взаимоотношения его веры со сказочным зверем прогрессом (а может, и не зверем, до сих пор никто из верующих в эту диковину не объяснил мне, тёмному, что он такое).

Как сказал один неглупый православный – «христианство ценно не тем, что помогло построить империю, а тем, что оно **истинно**». В последнем я, нехристь, оставляю за собой право усомниться, но и спорить здесь не стану.

А вот когда православствующие начинают оскорблять мою языческую святыню, моих Предков – тут уж извините. Тут я не просто могу или стану, тут я просто обязан возразить.

Говорят – и тут я с прискорбием должен отнести к малопочтенному сонму православствующих не только мирянина-публициста со звучной фамилией Штильмарк, но и людей церковных, в частности того же диакона Кураева и иеромонаха Виталия Уткина, – будто до крещения Русь не была государством.

Так, какие-то вечно грызущиеся между собой племена, с которых брали дань то хазары, то чуть менее дикие норманны.

Насчёт государства – в последние годы историки вообще не могут выработать какого-то общеприемлемого определения государства. Поэтому некоторые из них сделали очень мудрый и верный шаг – заинтересовались тем, что считали государством сами люди прошлого – Средних веков, Древности...

Посмотрим и мы – как смотрели на языческую Русь современники. Чем считали её – скопищем «племён» или всё-таки государством?

В средневековой Европе очень серьёзно относились к титулам. Серьёзней там относились только к Христу и Христовой вере. За неправильно употребленный титул могли вызвать на поединок, отправить на плаху, объявить войну.

Так вот, правителей Руси с 839 года, когда, по Вертинским хроникам, к правителю восточных франков, Людовику Благодетелю, пришли послы «народа Рос», зовут **королями**.

Позднее, в «Хронике продолжателя Регинона», княгиню Ольгу, в крещении Елену, величают «Еленой, **королевой** ругов» (германцы называли русов ругами). И так далее, вплоть до «короля Полоцкого» и «короля Суздальского» у Генриха Латвийского.

Заведомых правителей государств, христиан-католиков из Польши и Чехии, и то их единовержцы именовали всего лишь герцогами или князьями-«дюками».

В западных хрониках XI века говорится о том, как польский «герцог» Болеслав помогал киевскому «королю» Святополку в войне с его братьями.

Тем паче не называли королями вождей племён. Забавно бывает читать в хрониках про «сеньора ливов» или «половецких баронов» – впрочем, если вдуматься, эти словосочетания не забавней привычного «цыганский барон».

На Востоке правителей языческой Руси называли даже не царями, а хаканами, «хакан-Рус». Хакан – императорский титул! «Ар-Рус, так же, как аль-Хазар и ас-Серир – это название государства, а не народа и не города», – пишет арабский автор.

Серир – это северокавказское княжество, а «аль-Хазар» – хазарский каганат, разрушенный язычником Святославом. То есть речь идет о временах до крещения.

Не признавала за правителями Руси царского достоинства одна надменная Византия – но она не признавала его и за православными царями Болгарии, и за христианским императором Священной Римской империи германской нации Оттоном, и за эмиром мусульманского Египта.

Жители Восточного Рима знали только одного царя – своего императора, а за границами империи могли быть только «вожди».

Впрочем, в «записке топарха» византийский чиновник, губернатор крымских владений-климатов, величает язычника-руса «царствующим на север от Дуная».

А митрополит Иларион пишет о язычниках Игоре и Святославе – «не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли». О «племенах» так не пишут.

По устройству Русь времён Игоря не очень отличалась от франкской державы времён того же Людовика Благочестивого. Так же правили в своих владениях «племенные герцоги» (а у нас – «всякое княжье», что «под рукою великого князя»).

Так же полгода колесил по стране король со всем двором, как наш князь на полюдь. Только у нас в полюдь уезжали на зиму, а короли кочевали по стране летом. По римским дорогам как раз летом лучше всего путешествовать; а у нас и ныне в иные края иначе, чем по речному льду, не доедешь.

Точно так же собирались на законодательные собрания «все франки» (а у нас подписывалась под договорами «вся русь»).

Наконец, саксы бунтовали против франков, как наши древляне и вятичи против русов, даже успешнее. Саксам всё же удалось посадить на престол восточных франков свою, саксонскую, династию. Древляне с вятичами ничего подобного не добились.

Собственно, сами рассуждения про «племена» – плод некоторого недоразумения.

В летописи такого слова нет. Древлянские послы говорят Ольге: «Послала нас к тебе Деревская земля» – отнюдь не «племя»!

Сами древляне – а также вятичи, дулебы и прочие первоначальники земель, на которых возведено было Русское государство, ставятся летописью в ряд с литвой, немцами, свеями-шведами, лютичами, поморянами.

Литва, немцы и шведы – вообще народы. Лютичи и поморяне – тоже не племена, а, выражаясь суконым языком этнографической науки, «союзы племён».

В состав лютичей входили, например, ратары, хижане, чрезпняне, доленчане и с полдюжины племён помельче. Так же, надо думать, обстояло и на Руси.

Вятичи, например, по данным археологии, включали в себя шесть племён. Только на востоке Европы об отдельных племенах сведений не сохранилось.

Трудно сказать, что тому виною – меньшая ли дотошность наших летописцев по сравнению с немецкими хронистами или то, что наши «земли» – союзы племён – сложились раньше западнославянских и ко временам написания летописи отдельные племена успели в них бесследно раствориться.

Между тем союз племён – это уже качественно новая ступень объединения людей, не родовая, а территориально-политическая.

Говоря попросту, племя объединяло людей по происхождению, «земля» – по общему месту проживания (собственно земле) и политическим интересам – совместной обороне от чужаков, контролю над торговыми путями и так далее.

А это уже маленькое государство, недаром «Повесть временных лет» упоминает в этих союзах племён и «княжение свое», и законы (именно законы, а не обычаи, тут же упомянутые особо) «отцов своих».

А византийский император Константин Рождённый в Пурпуре – чаще его несколько невнятно зовут Багрянородным, – говоря о славянских данниках русов, древлянах-«дервианах», дреговичах-«друтувитах», кривичах-«кривитеинах» и прочих, называет их «Славиниями».

Это слово исследовал на известиях о балканских славянах Г.Г. Литаврин. И пришёл к вполне ясному выводу, что обозначался им не народ, не племя – тогда бы просто писали «славвины», – а маленькая держава.

Никто не называл, скажем, племена печенегов-«пацинаков» «Пацинакиями». Окончание «ия» появлялось, когда говорили о земле, о государстве – Шранкия, Болгария, Хазария.

И отношения между маленькими державами Восточной Европы – впрочем, такими ли уж маленькими? те же самые древляне занимали территорию, не уступавшую королевству англов

тех времён, – не сводились к пресловутой «вражде» не только до крещения, но и до Рюрика: «жили мирно поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты».

Это слова не из «Велесовой книги», не из сочинений «неоязыческих идеологов», а из «Повести временных лет» «святого преподобного» Нестора.

Так что историки очень неудачно применили к летописным «землям» этнографический штамп «племена», что многие из них, кстати, и признают, но уже – сложилось, устоялось, стало привычным.

Историки, даже лучшие из них, склонны иногда забывать о том, что за пределами их кафедр и аудиторий живет ещё пара-другая миллиардов человек, лишённая специального исторического образования.

Безобидный этнографический термин может отозваться в их ушах совсем не безобидным образом.

Вот пример – когда И.Я. Фроянов доказывал, что Киевская Русь не была феодальным государством, он применял термины «общинный строй» и «варварское общество».

При этом Игорь Яковлевич, увы, не учёл, что в глазах многих и многих эти слова были не описанием, а оценкой; «общинный» воспринималось, как «первобытно-общинный» и вызывало в памяти картинки из школьных учебников с изображениями охоты на мамонта. Про «варварский» можно и вовсе не упоминать.

У неспециалистов – а многие из них, при всей своей простоте, сидели в весьма высоких кабинетах – сложилось впечатление, что Фроянов «принижает» Русь, чем не замедлили воспользоваться противники Игоря Яковлевича; в результате теория Фроянова, весьма обоснованная, была жестоко раскритикована в научной печати и тем более не дошла до просто любящих свою историю людей.

Я намеренно упомянул здесь Игоря Яковлевича Фроянова, чей патриотизм вне сомнений – он поплатился за него положением главы факультета в престижнейшем вузе «культурной столицы России» и, увы, верностью многих своих учеников.

К сожалению, сегодня такие люди в среде академических учёных скорее исключение, нежели правило.

И сейчас, после отставки И.Я. Фроянова, смерти его оппонента Б.А. Рыбакова и других учёных-патриотов, В.В. Седова, И.П. Русановой, О.М. Рапова и А.Г. Кузьмина, тон в науке о Древней Руси задают совсем другие люди. От них ещё меньше можно ожидать внимательного отношения к словам.

И эту невнимательность охотно используют, причём не только православствующие публицисты, но и откровенные недоброжелатели русского народа, вообще славянства.

«Племена» – значит, дикари, значит, шкуры и каменные топоры. Так показаны славяне-«вендели» в голливудском фильме «Тринадцатый воин», славяне-«кубраты» в романе «Возвышение Криспа» американского фантаста, историка по профессии Гарри Тертлдава.

Но мы вспомним слова великого русского историка и патриота С.А. Гедеонова: «из... дикарей никакое призвание (варягов; добавим – и никакое крещение. —Л.П) не сделает Руси времён Ярослава Мудрого».

И скажем спасибо православным летописцам, при всей неприязни к язычеству, честно донёсшим до нас правду о языческой державе.

В этой державе отношения между малыми державами-«землями» и покорившей их «русью» строились отнюдь не на голой военной силе, грабеже и принуждении, как пытаются сейчас показать некоторые авторы.

Призывая Рюрика, князя ругов-русов с острова Рюген, славяне обращались к нему: «судить и владеть нами по праву».

Русы X века, захватившие закавказский (да-да, закавказский... вот так далеко простирались походы некрещёных «дикарей», тогда как князь-христианин XII века Игорь Святославич

чувствовал себя «далече залетевшим» в донских степях!) городок Бердаа, обратились, по словам арабского автора Ибн Мискавейха, к его жителям со следующими словами:

«На вас лежит обязанность хорошо повиноваться нам, а на нас – хорошо относиться к вам».

Многие современные «демократические» правители не имеют столь ясного понятия об обязанностях правителя по отношению к подданным, как «захватчики»-русы!

Ибн Мискавейх свидетельствует, что обещание своё русы держали, хотя в городе продолжались бунты одержимой исламским фанатизмом черни.

И даже после убийства нескольких русов толпою фанатиков язычники всего лишь захватили жителей в плен и предложили выкупать себя, причем уплатившему выкуп выдавалась печать (!) на глине, дабы никто не потребовал с него этого выкупа вторично.

Константин Багрянородный называет подчинённых «россам» славян «пактиотами», то есть заключившими с ними «пакт», «ряд» по-древнерусски (любопытно, не отсюда ли пошло слово «рядович» из «Русской Правды», чей смысл для учёных не до конца ясен).

Летопись, византийский топарх – также отмечавший «величайшее человеколюбие и справедливость» варваров – и Лев Диакон единодушно указывают, что многие «земли» отдавались под власть-защиту русов **добровольно**.

В X веке, когда язычник Святослав захватил христианскую Болгарию, он оставил в живых и на свободе царя Бориса II, не тронул царскую казну (её потом разграбило войско православных «освободителей» – византийцев), и многие болгары бок о бок с «завоевателями»-русами бились до конца с армией Второго Рима.

Несколько слов об уровне культуры в державе русов-язычников. Во-первых, там были города. Об этом свидетельствует не только скандинавское название Руси – Гарды, буквально – города.

В конце концов полудиким скандинавам позволительно и не различать города в собственном смысле от спрятавшегося за тыном селеньца.

Нет и араб Ибн Русте пишет, что у русов «много городов» (при том его соплеменник и современник, Ибн Хордадбег, утверждает, что в самой Византии есть только пять городов, остальные же – «укреплённые деревни»), и Баварский географ исчисляет города в землях восточных славян сотнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.